

**Александр Александрович
ВЕРШИНИН,**
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Центра изучения кризисного общества
Для связи с автором: vershinin@centero.ru

**Александр Владимирович
КОРОЛЬКОВ,**
кандидат исторических наук.
Для связи с автором: sahsasa@list.ru

Силовые поля современной мировой политики

АННОТАЦИЯ. *Всплеск насилия по всему миру, в том числе на Западе, заставляет обратить внимание на роль фактора силы в мировой политике. На протяжении последних десятилетий западные государства пытались свети проблему силы к дискуссии о т.н. мягкой силе, в результате чего оказались политически и морально не готовы к рецидивам проявления силы в ее традиционном понимании. Этим во многом объясняется их болезненная реакция на внешнеполитический курс России, а также перипетии политики Запада в отношении Китая.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международные отношения, мягкая сила, Россия, ЕС, США, Китай.

Общественное мнение стран Запада напряженно наблюдает за тем, как в актуальную политическую повестку дня возвращается фактор силы. Еще недавно жесткая сила рассматривалась как рудимент, пережиток прошлого. Она определяла жизнь миллионов людей по всему миру, однако должна была неизбежно отмирать как неприемлемый с

этической точки зрения, а кроме того, неэффективный способ воздействия на поведение человека. Тот факт, что в последние годы жесткая сила не только во все большей степени определяет ход международных дел, но и все чаще врывается в повседневную жизнь обычного среднестатистического жителя Запада, вызывает если не оторопь, то ощущение чего-то противоестественного. Тем не менее действительность заставляет с собой считаться.

После брюссельских терактов 22 марта 2016 г. президент Франции Франсуа Олланд в обращении к нации произнес слова, которые прозвучали как приговор всему европейскому образу жизни: «Мы находимся в состоянии войны». Война, о которой говорил Олланд, – это не просто нестабильность, временные трудности, с которыми можно смириться. Война является апофеозом силы, ее наиболее полным выражением. Война – это открытое противостояние, обмен ударами, цель которого – не достижение компромисса, а ниспровержение противника. Формат будущих отношений

между двумя антагонистами может быть определен впоследствии на основе неких договоренностей, но их исходной точкой в любом случае будет факт победы одного и поражения другого. Война разрывает рутину и полностью меняет привычный ритм жизни, ставя людей в чрезвычайные условия.

Современный Запад, судя по всему, не готов к подобному перевороту. Ф. Олланд констатирует факты, когда говорит о том, что война пришла на улицы его городов. Целенаправленное организованное убийство десятков людей, не имеющих никакого отношения к событиям на Ближнем Востоке, является открытым нарушением базовых норм, на которых строится западное и вообще любое общество. То, что противник невидим, не облачен в мундир армии иностранного государства и имеет в кармане такой же паспорт, что и его жертвы, ничего не меняет. Однако Запад, очевидно, не готов к этой войне. Общественное мнение растеряно. Все, что оно может противопоставить грубой силе, – марши солидарности и демонстрации, цель которых – продемонстрировать приверженность общества ценностям свободы и нежелание менять привычный образ жизни в ответ на террористические нападения. Такой подход, очевидно, не увеличивает шансы на победу в противостоянии.

История с терактами – наиболее яркое, но не единственное проявление растерянности западных элит и общественного мнения перед лицом вернувшегося фактора силы. Логика адекватного ответа на вызов требует силовой реакции и в случае с наплывом беженцев с Ближнего Востока, и в ситуации с греческим кризисом, и в разрешении острых меж-

дународных конфликтов последних пяти лет. Речь не обязательно идет о применении насилия в отношении фактора нестабильности. На первый план выходит скорее вопрос политической воли и готовности действовать. Очевидно, что жесткой силой поток мигрантов не остановить, однако политическая воля может найти и провести в жизнь наиболее сбалансированный ответ на подобный вызов. Нетрудно заметить, что соответствующие попытки ведущих стран Европы в случае с наиболее острыми кризисами последних лет неизменно терпят неудачу – как представляется, прежде всего по причине неготовности общественного мнения и большей части политических элит принять фактор силы как объективную реальность.

Делегитимация силы

За последние десятилетия Запад действительно отвык от того, что политические противоречия как внутри, так и вне его могут разрешаться силовым путем. Вторая половина XX в. была переполнена войнами: по подсчетам исследователей, ежегодный средний прирост количества вооруженных конфликтов в 1945–1991 гг. составлял 31% [см., Wars steadily...]. Однако разворачивались они в основном на периферии. Если не считать отдельных «эксцессов» вроде Венгерского восстания 1956 г., подавления Пражской весны в 1968 г. или мятежа «черных полковников» в 1967 г., в послевоенные годы практически ничто не омрачало покой Старого света. Европа едва ли не впервые в своей истории пережила длительный период без войн, который, по большому счету, явился результатом уникального историче-

ского совпадения и реакцией двух поколений европейцев на мировую войну 1914–1945 гг.

Страх перед глобальной войной вошел в культуру и социальную память европейцев. Противостояние ядерных сверхдержав с их военными блоками хотя и сводило к минимуму вероятность глобального военного конфликта, но генерируемая им атмосфера страха создавала в общественном сознании совсем иные образы. На Западе за годы Холодной войны сформировался целый слой массовой культуры, в основе которого лежал страх перед ядерным апокалипсисом. Неожиданное исчезновение этой угрозы вызвало некоторую эйфорию. Тезис о том, что западные ценности мира и свободы оказались исторически верными и навсегда положили конец эре силового противостояния держав, завоевал всеобщее признание. В 1928 г. Аристид Бриан, инициатор знаменитого антивоенного пакта, предлагал «поставить войну вне закона». На европейском континенте его идея реализовалась 60 лет спустя.

Справедливости ради необходимо отметить, что полностью делегитимировать жесткую силу не удалось. Вероятно, задача таким образом и не стояла. Иван Крастев и Марк Леонард подчеркивают в этой связи важное обстоятельство: «Для большинства американцев военное и экономическое превосходство Запада сделало неизбежной победу [в Холодной войне]... Но для многих европейцев именно либеральные ценности Европы взяли верх» [Krastev I., Leonard M, 2015: 51-52]. США, главный победитель в противоборстве сверхдержав и основной участник блока НАТО, неизменно подчеркивали важность силового фактора.

Об этом неизменно упоминает и нынешний президент Барак Обама, лауреат Нобелевской премии мира. В одном из своих недавних выступлений он заявил: «Мы тратим на нашу армию больше, чем восемь следующих за нами стран вместе взятые. Наши войска являются самой лучшей вооруженной силой в мировой истории. Ни одно государство не решится напасть на нас или на наших союзников потому, что все знают, что это – путь к поражению» [см., Garamone J...]. Однако и в американском исполнении жесткая сила лишена главного, того, что на протяжении веков делало ее основой политики и международных отношений, – автоматической легитимности. Сила больше не оправдывает сама себя. Древний афоризм «победителей не судят» в будущем мире должен был утратить смысл.

Современный Запад, каким мы его знаем, во многом зиждется на фундаменте пацифистских ценностей. Парадокс заключается в том, что этот пацифизм противоречит всему его историческому опыту. Бурная экспансия Европы в Новое время была бы невозможна без активного применения силы – военной, экономической, культурной. Именно силу Освальд Шпенглер считал первоосновой западной цивилизации. «Фаустовская [западная] культура была в высшей мере завоевательной; она преодолела все географически-материальные границы; в конце концов она превратила всю поверхность Земли в одну колониальную область», – писал он и продолжал: «Преодоление сопротивлений есть типичное действие западной души. Активность, решимость, самоутверждение – вот чего мы требуем» [см., Шпенглер О...]. Понятие силы

в данном случае многоаспектно. Речь идет о динамизме, энергетике, стремлении разорвать рутину, постоянном стремлении к идеалу.

Западная рационалистическая философия пыталась упорядочить этот инстинкт, облечь его в разумные формы, заперев в веберовскую «железную клетку». Сила в своих прямых итерациях разрушительна, но самое главное – иррациональна. Она вносит дисгармонию в стремящийся к математическому упорядочению мир. Тем не менее категорию силы трудно было изолировать даже на уровне философской мысли. После Ницше, писавшего о «воле к власти», она завладела умами германских интеллектуалов начала XX в. Сам апологет рациональности Макс Вебер был неравнодушен к образу войны, к ее эстетике и энергетике. Через десятилетия после смерти автора «Протестантской этики и духа капитализма» его племянник вспоминал характерный эпизод. Когда в 1916 г. отправлявшийся на фронт Первой мировой войны молодой человек обратился к дяде с вопросом, в какой род войск ему вступить, то услышал парадоксальный ответ – в кавалерию. Это означало практически гарантированную гибель, но Вебера привлекала эстетика рыцарства. «Я ненавижу эту войну, которая должна была произойти 20 лет назад и заставить меня верхом на коне», – писал он [Radkau, 2011: 342].

Один из первых исследователей буржуазного образа жизни Алексис Токвиль представлял демократию как наиболее удобную форму организации современного общества. Она предпочитает компромисс борьбе, мещанское спокойствие – бурным страстям, достаток – подвигу. В ней нет места агрессии и грубой

силе. Однако буржуазный дух лишает жизнь людей и целых государств ключевой составляющей, без которой они обречены на стагнацию. Демократиям, утверждал Токвиль, например, чрезвычайно трудно проводить внешнюю политику. «В области государственной внешней политики, – отмечал он, – демократические правительства мне представляются решительно слабее в сравнении с другими. Опыт, нравы и образование в конце концов всегда развивают в демократической стране так называемый практический, годный на каждый день ум и умение разбираться в бытовых событиях, что еще называют здравым смыслом. Его вполне достаточно для обычной жизни общества. Но в отношениях с другими народами дело обстоит иначе» [см., Токвиль А. де...].

Токвиль осознавал плюсы и минусы мещанского миролюбия, но оно ему неизменно претило. Это чувство проникло в его тексты: «Война почти всегда расширяет умственный горизонт народа, возвышает его чувства. В ряде случаев только она способна сдерживать чрезвычайное развитие определенных склонностей, естественным образом порождаемых равенством, или же может рассматриваться в качестве необходимого средства лечения некоторых застарелых болезней, которым подвержено демократическое общество» [см., Токвиль А. де...]. Энергетика, порождаемая открытым силовым противостоянием, поддерживает общество в тонусе, не дает ему утонуть в рутине. Ее дефицит создает атмосферу декаданса, выход из которой сопряжен с социальными катаклизмами. На этом разломе могут возникать опасные аномалии. В 1942 г. Лео Штраус рассуждал об истоках евро-

пейского фашизма: «Перспектива появления замиренной планеты без правителей и управляемых, планетарного общества, приверженного одним лишь ценностям производства и потребления..., была настоящим кошмаром для части немцев» [Strauss, 1999: 360]. Как выражался Гельмут Мольтке-старший, «вечный мир – это мечта, которую даже трудно назвать прекрасной».

Фашизм абсолютизировал идею войны, превратил ее в самодовлеющую ценность, уничтожив само разделение на справедливые и несправедливые войны. Во многом именно здесь кроются корни современного западного пацифизма: прививка фашизма дает о себе знать. Исторический опыт первой половины XX в. был переработан и превращен в ряд культурных паттернов. Они оказывают решающее воздействие на общественное мнение и на коллективную память жителей Запада. Исследовавший ее социолог Джеффри Александер пришел к выводу, что в основании идентичности современных европейцев и американцев лежит сложный образ зла, ключевым элементом которого является неприятие войны и насилия [Александр Дж., 2013:95-255].

Политическая система послевоенного Запада стремилась максимально нейтрализовать призрак гражданского противостояния. Ее важным компонентом стал «мирный» раздел электората между несколькими основными партиями. Из политической жизни изгонялся экстремизм как системное явление: крайним силам выделялось ограниченное поле для маневра, на котором их деятельность не наносила ущерба существующему статус-кво. Динамизм и напряжение, характер-

ные для старой европейской политики, постепенно отходили в прошлое. Все более редким явлением становился политик-харизматик. Последние представители этого типа на властном Олимпе, родившиеся в конце XIX – первой половине XX вв., уходили в силу объективного процесса обновления элит. Место политика по призванию занимал политик-профессионал.

Понятие социального конфликта вытеснялось из общественной жизни. Государство всеобщего благоденствия должно было раз и навсегда покончить с перспективой социальной революции. «Негласный принцип справедливости и солидарности, лежавший в основе государства всеобщего благоденствия, – пишет Пьер Розанваллон, – опирался на предположение, что все риски распределены равномерно и имеют случайный характер» [Розанваллон П., 2014Ж: 239]. Философ Джон Роулз в середине XX в. вывел теорию «покровка неведения», согласно которой человек никогда не знает заранее действительно, что его постигнет завтра. Подобная формулировка наносила удар по социальному ресентименту. Философ Дж. Грей отмечал: «В работе Ролза ... индивид – это некая нулевая величина, лишенная истории и национальности, не имеющая каких-либо привязанностей, того, что в реальном мире определяет нашу идентичность» [Грей Дж., 2003: 19]. Из сложившейся картины мира вычищалось все, что было связано с неравенством и могло вызвать новые вспышки насилия.

Возникало технократическое представление о мире, которым можно управлять как машиной и тем самым надежно застраховать его от рецидивов неконтролируемого

распространения силы. Особенно богатые всходы оно дало в сфере принятия внешнеполитических решений. Во второй половине XX в. ученые сформулировали комплексную теорию силы в сфере международных отношений. В их представлении эта категория максимально формализовалась и инструментализировалась. Ганс Моргентау и другие представители реалистской школы представляли силу как совокупность ресурсных факторов – территории страны, численности ее населения, мощи вооруженных сил, экономического потенциала. На основе теории игр математики разработали модель реагирования на внешние риски. Утверждалось, что государство, как и человек, действует рационально-эгоистически, а значит, цели, замыслы и поступки международных акторов можно не только просчитать, но и предупредить.

Эти принципы легли в основу теории баланса сил. Ее брали на вооружение формировавшиеся интеллектуальные центры – «мозговые тресты», занимавшиеся экспертной поддержкой внешнеполитических и оборонных ведомств. Любую проблему они препарировали с опорой на заранее заданную схему, которая формализовала как желаемый результат, так и способы его достижения. В условиях Холодной войны с ее понятным разделением на «своих» и «чужих», привычной логикой противоборства сверхдержав в духе «игры с нулевой суммой» эта система работала с приемлемыми издержками и обеспечивала контролируемый режим применения силы в глобальном масштабе. Из политики уходил динамизм, дух импровизации, минимизировался фактор риска. Международные дела все менее походили

на силовой поединок и все более – на интеллектуальное состязание. Рассуждая об американской внешней политике, об этом в весьма критичных тонах пишет Эндрю Басевич: «Эта весьма эластичная концепция – вернее её назвать концепцией «национальной небезопасности» – включала всё, связанное с подготовкой, сражениями или выживанием в войнах... Первопроходцы на этой стезе ещё в 1950-е коллекционировали платёжные чеки как от «мозговых трестов» вроде прототипичной RAND Corporation, так и от традиционных академических институтов... В этом шатком мире полновесной монетой была и остаётся «политическая значимость». Это означает разработку продукта, который выражает ощущение новизны, при этом главным образом служит для увековечивания существующего предприятия» [см., Басевич Э. Дж....].

К концу XX в. фактор силы активно изгонялся из политической повестки дня в своего рода резервацию, где его ограничивали формальные критерии и параметры. После 1991 г. к ним добавилась еще одна компонента, призванная раз и навсегда привязать возможность применения силы к конкретному набору ценностных ориентиров. В результате этого своеобразного «брака американской силы с американскими ценностями» [См., Bacevich A.]... возникла специфическая объяснительная конструкция, в рамках которой формальная логика доказывала универсальный примат определенного ценностного набора. Речь шла о появлении особой модели существующего миропорядка, которая во многом определила мировоззрение людей, взявших на себя ответственность за политику Запада после Холодной войны.

Философия в духе «конца истории»

Поклонник А. Токвиля Фрэнсис Фукуяма пришел к выводу, что эпоха всеобщего равенства, о которой писал классик в XIX в., становится объективной реальностью. «Если в основе ведения войны лежит жажда признания, – рассуждал он, – то разумно было бы поверить, что либеральная революция, рвущая отношения рабов и господ и делающая рабов хозяевами самих себя, должна так же действовать и в отношениях между государствами. Либеральная демократия заменяет иррациональное желание быть признанным выше других рациональным желанием быть признанным равным другим. Таким образом, мир, построенный из либеральных демократий, должен быть куда меньше подвержен войнам, поскольку все государства взаимно признают легитимность друг друга» [см., Фукуяма Ф. Конеч истории и...].

Иными словами, речь шла о закате международной политики как таковой. Назвать вещи своими именами было трудно, и эксперты предпочитали расставлять акценты в ином ключе. «То, что завершилось в 1989 г., – отмечал британский дипломат Роберт Купер, – это не только Холодная война и даже, формально говоря, не Вторая мировая война..., а история системы баланса сил и имперской политики» [Cooper, 2011:16]. При этом оставалось не до конца понятным, что должно прийти на смену системе баланса сил. Довестфальская эпоха вообще не имела представления об отношениях между суверенными государствами как самостоятельными игроками на международной арене. В мираидах

династических связей феодального периода не было места концентрированному национальному интересу. Парадоксальным выглядит тот факт, что желаемый новый мировой порядок многие рассматривали в схожих категориях.

Предполагалось, что сила в нем будет окончательно растворена в системе отношений между новыми игроками. «Конец Холодной войны, – писала в 1997 г. Джесика Мэтьюс, – привел не только к реконфигурации государств, но и к новому распределению власти между государствами, рынками и гражданским обществом. Национальные государства не просто теряют самостоятельность в условиях глобализирующейся экономики. Они делятся своей властью с бизнесом, международными организациями и множеством гражданских объединений, известных как неправительственные организации (НПО). Речь в том числе идет о формирующих ядро их суверенитета политических, социальных функциях и полномочиях в сфере безопасности. Процесс непрерывной концентрации власти в руках государств, начавшийся с заключением Вестфальского мира в 1648 г., завершается, по крайней мере на какое-то время» [см., Mathews J. Т....].

В глобализирующемся мире, связанном интернет-коммуникациями, сила должна была просто расплыться, перераспределиться между столь значительным количеством центров концентрации, что ее повторная аккумуляция в руках национальных государств оказалась бы бесполезной и невозможной. В 1990-е гг. подобная перспектива не казалась чем-то гипотетическим. Темп вовлечения самых отдаленных

уголков мира в глобальную экономику действительно впечатлял. Нарисованные десятилетиями вооруженного противостояния политические границы стирались. Объемы перемещения капиталов, людей и товаров били исторические рекорды. Та же Джесика Мэтьюс писала: «Возможно все, но конфликт между неизменной географией национальных государств и экстерриториальной природой современных проблем и возможных вариантов их решений, которая будет лишь сильнее проявляться, с большой долей вероятности говорит о том, что относительная сила государств будет и дальше уменьшаться».

Политическим образованием нового «сетевое» типа должен был стать Европейский Союз. В 1943 г. его будущий отец-основатель Жан Монне заявил: «Мир не придет в Европу, если государства будут восстановлены на основе принципа национального суверенитета... Процветание и быстрый социальный прогресс не станут реальностью до тех пор, пока государства Европы не образуют федерацию, «Европейское единство», в рамках которого они сольются в экономическое единое целое» [Booker Ch., North R, 2006: 31]. Общее экономическое пространство, ликвидация границ создавали фундамент для формирования общеевропейского гражданского общества, основанного на ценностях мира, прав и свобод человека. После этого политический вопрос решил бы сам собой, посредством возникновения принципиально нового объединения, в котором власть равномерно распределялась бы между сохранившимися национальными институтами, бизнесом, общественными организациями и неким наднацио-

нальным центром, который бы взял на себя координирующие функции. В ситуации фактического отсутствия у европейских государств полного суверенитета над собственными вооруженными силами, контролируруемыми НАТО, основным силовым ресурсом Европейского Союза стала притягательность его ценностей и основанной на них модели развития для других стран мира.

В условиях мира после Холодной войны многим казалось, что этого вполне достаточно. По словам Ф.А. Лукьянова, «произошла, если можно так сказать, радикализация европейских ценностей – они вышли на гораздо более высокий уровень требовательности к себе и окружающим. Нормативная экспансия (включая и аспект гуманитарных ценностей) стала основным политическим инструментом ЕС» [см., Лукьянов Ф. Европа...]. Европа здесь шла по стопам США, где на определенном этапе идея примата ценностей буквально слилась с принципом национального интереса. Доктрина Национальной безопасности Соединенных Штатов 2002 г. фактически и формально констатировала, что национальным интересом Америки является всемирное распространение ценностей свободы. В своей речи, приуроченной ко второй президентской инаугурации в 2005 г., Дж. Буш-младший заявил: «Существование свободы на нашей земле во все большей степени зависит от того, насколько успешной она будет в других странах. Главной надеждой на всеобщий мир является глобальная экспансия свободы. Жизненный интерес Америки и наши самые глубокие убеждения теперь образуют единое целое» [См., President Bush's...].

В международных отношениях устанавливалась «повестка Свободы», предполагавшая точечное применение жесткой силы против тех, кто не соответствовал новой ценностной ортодоксии или же открыто выступал против нее. При этом предполагалось, что из сферы «регулярных» взаимоотношений между государствами силовой фактор исчезнет. Однако здесь возникал практический вопрос: что в таком случае будет определять ее конфигурацию? Идея конца истории, а значит – и международной политики как ее части, звучала громко, но уже на этом этапе требовалось как-то соотнести ее с реальностью. Именно на этой развилке возникла концепция т.н. мягкой силы. Ее в начале 1990-х гг. сформулировал американский ученый Джозеф Най, поместив в центр своей идеи тезис об особой роли, которую в современных условиях играют нематериальные факторы внешнеполитического влияния государства, такие как культура и ценностная модель [Nye, 2004: 5]. Мягкая сила подкупала тем, что она, казалось бы, с собственно силой в традиционном понимании имела мало общего.

В то же время познавательный и объяснительный потенциал новой теории вызывает справедливые вопросы. За четверть века исследователям так и не удалось удовлетворительно объяснить существенное различие двух типов силы [см., Mattern J.V...]. Четкого определения мягкой силы так и не было предложено, что позволяет усомниться «в эпистемологическом потенциале концепции» [см., Юдин Н...]. Вызывает сомнение сам тезис о том, что нематериальные факторы как основной инструмент внешней поли-

тики государств – это феномен новейшей эпохи. Высокая культура и привлекательный образ жизни использовались в качестве инструмента в международных отношениях по крайней мере со времен Римской империи. Причем мягкая сила здесь, как правило, шла рука об руку с жесткой. Очевидно, что предлагаемое разделение не позволяет уйти от необходимости объяснения того факта, что сила в конечном счете остается силой, вне зависимости от своего характера.

Произведенное таким образом теоретическое препарирование категории силы, смысл которого заключался в акцентировании одной из ее ипостасей, позволял решить проблему сущностного наполнения идеи нового справедливого мироустройства, но лишь на абстрактном уровне. В сфере международных отношений данная конструкция на определенном этапе могла выглядеть правдоподобно, но это объяснялось скорее не ее реальным объяснительным потенциалом, а конъюнктурой. Внезапный развал системы мирового социализма, произошедший без значительного силового воздействия со стороны противостоящего ему блока, и последовавшее за ним стихийное распространение западных институтов в глобальном масштабе создавали впечатление, что избранная Западом модель развития, действительно, привлекательна сама по себе. Тот факт, что этот успех явился результатом определенных уникальных исторических условий, заслонялся новым видением перспектив мирового развития. Мессианский элемент во внешней политике, в той или иной степени присущий Соединенным Штатам по крайней мере

со времен Вудро Вильсона, вышел на первый план и серьезно потеснил реалистскую парадигму.

Роберт Кэгэн, вероятно, прав, утверждая, что «в реализме присутствует нечто такое, что прямо противоречит фундаментальным ценностям американского общества». «Если Соединенные Штаты, – рассуждает он, – основаны на универсальных принципах, как могут американцы с аморальным безразличием смотреть на то, как эти принципы попираются по всему миру? И если они действительно остаются к этому безразличны, то как им избежать сомнения в том, что их принципы на самом деле универсальны?» [Kagan R., 2000:36]. Ситуация после 1991 г. способствовала развитию такого взгляда. За превращением США в главную мировую державу скрывалась особая философия, которая на языке идеологии объясняла, почему многополярность должна остаться в прошлом. В 2003 г. об этом открыто говорила К. Райс: «Многополярность – это теория соперничества, конкуренции, а в своем худшем проявлении – конкуренция ценностей» [Цит. по. Примаков Е.М., 2009:10].

Внутриполитические расклады в странах Запада также изменились. Принцип баланса политических сил терял свой сущностный смысл в результате деградации старых идеологий: условные консерваторы и социал-демократы все меньше отличались от условных либералов. Предполагалось, что конец истории приведет к унификации внутриполитической жизни. Как писал Фукуяма, «многие войны и революции осуществлялись во имя идеологических принципов, претендующих на большую прогрессивность в срав-

нении с либерализмом, но история в конце концов разоблачила все эти претензии, и они таким образом способствовали распространению универсального однородного государства» [Фукуяма Ф., 1990: 106]. Показательным был упадок именно консервативных политических сил, исторически выступавших сторонниками баланса сил. Как отмечал Дж. Грей, «традиционный консерватизм отныне не может считаться реалистическим политическим выбором, поскольку институты и практики, составляющие его наследие, были сметены с исторической сцены теми рыночными силами, которые выпустила на волю или упрочила неолиберальная политика» [Грей Дж., 2003: 173]. Неоконсерватизм исходил из идеи примата ценностей индивидуальной свободы, которые отныне формировали основу легитимности политической системы и как таковые не могли ставиться под сомнение.

Социологи верно заметили: вторым именем современной западной демократии стала политкорректность. Она фактически делегитимирует силовое взаимодействие (на основе конфликта или консенсуса) в качестве основы социальной и политической жизни. На концептуальном уровне отрицается факт ценностного, а следовательно, и политического разнообразия общественной среды. Точнее говоря, оно признается, но помещается в искусственно зауженный спектр, который слабо отражает действительные запросы общества. Возникающее таким образом искусственное равенство создает своего рода параллельную реальность, которая, тем не менее, признается как единственно легитимная. Реальная, вы-

ходящая за рамки этой модели борьба табуируется на уровне культуры. Как заметил современный немецкий социолог, «возможно, в нашей культуре осталось лишь одно место для борьбы, которую признает общество: спорт как символический конфликт. Здесь возможны вещи, которые являются абсолютным табу в любых других областях» [Больш Н., 2014: 189].

Результатом похода против силы стала глубокая трансформация политики современного Запада. «Борьба за признание, желание рискнуть своей жизнью ради какой-то чисто абстрактной идеи, всемирная идеологическая конфронтация, вызывающая к жизни отвагу, смелость, воображение и идеализм, будут заменены экономическими расчетами, бесконечным решением технических проблем, экологическими соображениями и удовлетворением многообразных и усложненных потребительских требований» [Фукуяма Ф., 1990: 113]., – эта гипотетическая картина будущего мира, представленная Ф. Фукуямой, во многом отражает тот взгляд на вещи, который распространился в западном общественном мнении и среди элит. Являющаяся отражением исторического момента, ставшего временем наивысшего подъема Запада, она канонизирована и рассматривается как релевантная и для нынешнего периода, который между тем имеет ряд существенных отличий от эпохи конца XX в. Изложенные в программной статье «Конец истории» расчеты на переход мировой политики в качественно иное состояние отталкивались от специфического опыта Запада, однако ориентировались и на те изменения, которые шли в других регионах мира. Китайская полити-

ка, казалось, встраивалась в логику обеспечения экономического развития страны. Советское «новое мышление» также «обрисовывало мир, в котором доминируют экономические соображения и отсутствуют идеологические основания для серьезных конфликтов между нациями». Однако здесь было больше желаемого, чем действительного.

Китайское исключение и российский нонсенс

Известна максима Дэн Сяопина, долгое время лежавшая в основе внешней политики КНР: «Наблюдайте хладнокровно; берегите наше положение; спокойно занимайтесь делами; не показывайте свои возможности и ожидайте подходящего момента; никогда не пытайтесь забежать вперед и никогда не покушайтесь на лидерство». Эта формула действительно могла бы звучать в унисон новейшим западным представлениям о роли силы в политике, если бы в ее основе не лежала совершенно иная философия. Внешняя политика КНР является одним из компонентов комплексной программы реализации «китайской мечты» – превращения Китая в доминирующую мировую державу. Причем среди способов достижения этой цели, помимо вполне «законных» с западной точки зрения, значится, например, фактическое воссоединение с Тайванем. Впрочем, и наращивание экономической мощи важно для китайцев не само по себе, а как путь к лидирующим позициям в мире. Концепция «мирного возвышения Китая» имеет в себе очевидную политическую составляющую.

В то же время в последние годы традиционно гибкая китайская

внешняя политика все чаще разбавляется силовой компонентой. В речах официальных лиц, касающихся международных вопросов, все чаще звучит словосочетание «красная линия», а также признается готовность жестко отстаивать интересы страны на мировой арене [Портяков В.Я., 2014: 18]. Активизировались ранее замороженные территориальные споры с соседями КНР. Принцип защиты территориальной целостности все чаще увязывается с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения Китая в мощную морскую державу» [см., Wang Yizhou...]. Очевиден тот факт, что КНР в полной мере воспользовалась преимуществами ведомой Западом глобализации, и в этом смысле старая установка Дэн Сяопина на отказ от чрезмерной активности на международной арене имела под собой серьезные основания. Ф.А. Лукьянов справедливо отмечает: «Китай, недовольный нынешней моделью мирового устройства, тем не менее извлек из нее максимальные преимущества и совсем не настроен революционно... Китай надеется удержать благоприятный момент спокойного поступательного развития и постоянно говорит о необходимости и возможности нахождения всеобщей гармонии» [См., Лукьянов Ф. Про дружескую...]. Однако окончание эпохи глобального процветания и ожидавшегося на Западе конца истории заставляет иначе смотреть на реальность.

«Быть китайцем, – пишет Перри Линк, – до сих пор означает вести себя определенным образом и являться частью цивилизации, занимающей лидирующие позиции в мире. Большинство современных китайцев соглашаются с этим, по крайней

мере неявно. В чем они расходятся, иногда резко, так это лишь вопрос о том, какие ценности сегодня определяют китайскую специфику» [Link P., 2015: 25]. Иными словами, проблема не в том, лидировать ли Китаю в мире, а в том, в каких категориях определять лидерство и какими способами добиваться его. Процесс осознания этой реальности общественным мнением и элитами Запада идет с трудом: слишком велика инерция иллюзии «конца истории». Встраивающийся в глобальную экономику, отказавшийся от активной внешней политики Китай должен был бы действовать в соответствии с понятными на современном Западе моделями поведения, а в перспективе и пополнить ряды «свободного мира». Как написал политолог Аарон Фридберг, «у либерального демократического Китая не будет повода бояться своих партнеров из лагеря демократий и еще меньше оснований использовать в их отношении силу» [цит. по Mullerson R., 2013: 85].

То, что Китай пошел по другому пути, стало если не неприятной неожиданностью, то серьезным раздражителем. Внутренней демократизации страны и отхода от силовых методов контроля над общественной жизнью не произошло. Пятое поколение китайских политиков во главе с Си Цзиньпином, пришедшее к власти в 2013 г., взяло курс на ужесточение внутренней политики. Инструменты глобальной экономики, которые китайцы освоили за три десятилетия, все более активно использовались ими для расширения своей сферы влияния. Никакой конвергенции на основе единой экономической модели и общих ценностей не произошло. К началу 2010-х гг. стало окончатель-

но ясно, что это противоречие превращается в серьезный источник взаимного раздражения. Политика сотрудничества с Китаем, которую реализовывала администрация Дж. Буша-младшего, сменялась более осторожным курсом Б. Обамы.

В начале 2012 г. Генри Киссинджер предупреждал о потенциальных рисках, которыми чревата возможная попытка США построить диалог с Китаем на основе идеи примата собственных универсальных ценностей. «Регулярная политика США [в отношении Китая] будет демонстрировать национальную приверженность демократическим принципам. Но системный проект трансформации китайских институтов путем дипломатического давления и экономических санкций обернется бумерангом и приведет к изоляции тех самых либералов [внутри Китая], которым он призван помочь. В Китае значительное большинство населения воспримет его через призму национализма и вспомнит ушедшие времена иностранного вмешательства извне» [см., Kissinger H. A....].

Собственно, сама необходимость выстраивания отношений с такой страной, как Китай, возвращала западных политиков (возможно, часто против их воли) в сферу национальных интересов и баланса сил. Об этом в недавнем интервью не без доли сожаления, но прямо сказал американский политолог Мэтью Рожански: «Мы постоянно говорим о «лжи Москвы», осуждаем ее. А Пекин разве все время говорит правду? В речи перед Генассамблеей ООН председатель КНР Си Цзиньпин убеждал мировых лидеров, что рост Китая будет мирным и Пекин будет уважать всех своих соседей.

Все это оказалось враньем! Но мы не обвинили китайцев во лжи. Это очень яркий пример того, как отличается отношение США к России и Китаю, — а все потому, что Китай ассоциируется с ростом, с будущим» [см., Россию нужно...].

В последние годы американо-китайские отношения все более явно развиваются в плоскости баланса сил. Проект Транстихоокеанского торгового партнерства позиционируется как инструмент сдерживания китайской экономической экспансии. Противоречия по поводу территориальных претензий КНР к соседям возвращают к жизни дискуссию о возможности силового противостояния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако эти события, при всей их важности, не наносят непоправимого вреда сложившейся на Западе после Холодной войны картине мира. Китай — это не только та сила, которая разрушает самые возвышенные иллюзии западных элит и общественного мнения и заставляет их возвращаться на почву реальной политики. В добавок ко всему прочему, Китай является центром иной цивилизации, специфика которой признана и не вызывает дискуссий. В этом смысле китайский опыт можно считать нерелевантным. Иная ситуация складывается в российско-западных отношениях.

Комментируя то, как западное общественное мнение воспринимает актуальные внешние угрозы, Т.В. Бордачев сделал характерное наблюдение: «Радикальный исламизм — это угроза внешняя, она принадлежит к другой цивилизации, а Россия — это часть европейской цивилизации, но в то же время она позволяет себе не соглашаться с политикой, которую проводят ЕС и США.

Проще говоря, исламистский терроризм – это внешний вызов, а Россия – это «бунт на корабле». Поэтому независимую российскую внешнюю политику в Европе считают более серьезной проблемой, чем терроризм» [см., Для ЕС российская политика...]. Очевидно, что вопрос о цивилизационной принадлежности России является дискуссионным и стоит не только в политической, но и в историко-философской плоскости. Однако тот факт, что именно Москва стала неформальным лидером движения за пересмотр мировоззрения в духе «конца истории», действительно имеет в глазах Запада особую символическую нагрузку.

Крах СССР в свое время стал едва ли не основным фактором возникновения философии «конца истории». Советская модель символизировала собой альтернативный путь глобального развития, который на определенном этапе рассматривался значительной частью западного общественного мнения как весьма привлекательный. Ее дискредитация и распад не могли не вызвать некоторой эйфории. Что касается постсоветской России, то с ней оказались связаны вполне конкретные ожидания: всем своим развитием она должна была подтверждать правильность западных ценностей, восторжествовавших в 1991 г. Это имело серьезное политическое и психологическое значение. В идеале Россия должна была оказаться в первых рядах стран, избавляющихся от советского наследия и усваивающих новые ценности. Впрочем, уже на заре 1990-х гг. в вероятности подобной перспективы сомневались. В 1993 г., рассуждая о перспективах интеграции Москвы в западные институты, американский дипломат Дж. Бейкер

отмечал: «Очевидно, что полноценное членство России в НАТО – это не вопрос завтрашнего дня. Российская демократия остается хрупкой, и будущие экономические формы под сомнением» [см., Baker J.A....].

Социально-экономический и политический кризис, в который погрузилась Российская Федерация, воспринимался на Западе во вполне определенном контексте. Как верно подметил Э. Хобсбаум, «масштаб посткоммунистической катастрофы не был понят за пределами России» [см., Хобсбаум Э....]. Коллапс государственности и социально-экономических связей воспринимался либо как издержки переходного периода, либо как закономерный итог деградации советских институтов. По словам Е.М. Примакова, «Запад явно устраивало бедственное положение России» [Примаков Е.М., 2009:15]. Помимо конкретного внешнеполитического выигрыша, оно способствовало самоутверждению Запада: трудности с имплементацией западных ценностей и институтов на российской почве трактовались не с точки зрения их эффективности в иных социальных и культурных условиях, а как подтверждение порочности советской модели развития и «живучести» ее пережитков.

Выход России из кризиса мог способствовать изменению настроения западных элит и общественного мнения. Очевидно, именно на это ориентировалась внешняя политика В.В. Путина времен его первого президентского срока. Однако перелома не произошло. Вопросы экономики отошли на второй план, а под ударом оказалась российская внутренняя политика, в которой, по мнению Запада, проявлялись явные «силовые» рецидивы. При этом рос-

сийское руководство, очевидно, пыталось встать на точку зрения своих визави и принять их правила игры в той части, в какой, с его точки зрения, это было реально возможно. Молчаливое согласие на расширение НАТО являлось важной уступкой со стороны Москвы, однако в Европе и США его восприняли как должное.

Линия в отношении России, взятая победителями в Холодной войне, не менялась, и попытка найти общий язык провалилась. Действия Запада Кремль объяснял понятными для себя категориями: экспансия западных институтов – это силовое продвижение, вне зависимости от того, о какой силе, мягкой или жесткой, идет речь. В то же время Запад едва ли мог действовать иначе. Россия, или, точнее говоря, определенный образ России, после 1991 г. превратилась для него в важный источник новой идентичности. Признать за ней право на формирование международной повестки дня означало нанести удар по собственному самосознанию.

Многим в Европе и США казалось, что страна, потерпевшая фатальное историческое поражение, должна смириться со своим новым положением. Москва же при этом не только вела себя иначе, но и начала время от времени возвращаться в свое старое амплуа популяризатора альтернативного господствующему на Западе набора ценностей. Если с китайской спецификой готовы мириться, то соответствующие заявления со стороны Москвы вызывают раздражение как необоснованные. В том числе и потому, что на Россию продолжают смотреть как на уходящую державу. «В американском восприятии, – признается М. Рожански, – Россия больше является частью прошлого,

нежели будущего. Мы ощущаем, что звезда России закатывается, – таково наше впечатление» [см., Россию нужно...]. Столкновения двух картин мира в подобной ситуации следовало ожидать. Именно в его контексте необходимо рассматривать нынешний российско-западный конфликт на Украине.

Не случайно основным инструментом внешней политики Запада все чаще становятся экономические санкции. Они имеют собственную философию, которая далеко не исчерпывается стремлением «дожать» оппонента без применения жесткой силы. По мнению многих на Западе, высокий уровень экономического развития неразрывно связан с приверженностью универсальным ценностям свободы. Две составляющие исторического успеха любого человеческого сообщества неразделимы и переходят друг в друга (отдельные случаи вроде китайского склонны здесь рассматривать как исключения). Экономические ограничения имеют с этой точки зрения важное символическое значение: они маргинализируют оппонента, выводят его из числа членов «публично воспринимаемого клуба успешных стран, на пространстве которого должны работать осеменяемые либеральным Левиафаном общие нормы и правила» [Иванов А., Молодыхов К...]. Западное видение актуального момента говорит о том, что Россия, задействовав на Украине силу, оказалась за гранью «нормальности», констатацией чего стало наложение на нее санкций. В Москве же видят ситуацию как конфликт, в котором санкции – это не констатация «грехопадения» оппонента, а силовой инструмент давления. Несводимость этих двух взглядов

к общему знаменателю – наглядное отражение основной проблемы современных российско-западных отношений.

Волнообразная международная дестабилизация, сопровождающаяся вооруженным противостоянием, острая общественная напряженность в ряде стран Запада, сбои в функционировании отлаженных политических систем, долгое время обеспечивавших социальный мир, – все это явления, на которые стоит посмотреть с точки зрения недооценки фактора силы. Корректнее будет сказать, что он никогда не исчезал из социально-политической и культурной действительности: по целому ряду причин его предпочитали не замечать. Сила лишилась легитимности как в глазах элит, так и в общественном мнении, однако противоречия, которые возникают по причине естественной разнородности групповых интересов, никуда не делись. Идея, что их можно примирить в рамках единой ценностной парадигмы, относится скорее к области философии. Все предыдущие попытки воплотить ее в жизнь, начиная с религиозных войн и якобинских проектов создания справедливого общества, спаянного коллективной волей нации, оканчивались ничем.

Собственно, именно на этом разломе и возникает политика. Эта мысль в концентрированном виде была выражена еще Карлом Шмиттом: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага» [см., Шмитт К., 1992]. Политика есть там, где присутствует конфликт, а так как вся история человечества состоит из конфликтов и их преодоления, то

политика неотделима от общественного бытия. Фактический отказ от политики как искусства согласования интересов, обусловленный возникновением искаженной картины мира, не ведет к исчезновению конфликтов. Он, наоборот, приводит к их разрастанию, чем создает основу для разрушения существующих рамок допустимого. Этот процесс происходит сегодня на всех этажах мировой политики, от международной до внутренней: подробное рассмотрение реалий возвращения фактора силы во внутриполитическую жизнь стран Запада потребовало бы отдельного обзора. Проблема состоит в том, что признание этого факта, вероятно, приведет к перевороту в сознании значительной части мирового сообщества, что, в свою очередь, нанесет мощный удар по всей системе современных политических институтов. Простого решения существующих трудностей пока не просматривается.

Библиография:

Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013.

Басевич Э. Дж. Совершенство умопомешательство. Интеллектуал, как слуга государства // <http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/1076-sovershenstvuya-umopomeshatelstvo.html>.

Большц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Грей Дж. Поминки по Просвещению. М., 2003.

Для ЕС российская политика – большая проблема, чем теракты // <https://lenta.ru/articles/2016/04/05/europeintrouble/>

Иванов А., Молодыко К. Санкции и мироустройство // <http://www.globalaffairs.ru/number/Sanktcii-i-miroustroistvo-17742>

- Лукьянов Ф. Европа на войне // <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/8139857.shtml>
- Лукьянов Ф. Про дружескую откровенность // <https://rg.ru/2016/03/29/lukianov-pri-menitelno-k-evrazii-rossiiane-kuda-ambicioznej-kitajcev.html>
- Портяков В.Я. Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1.
- Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009.
- Розанваллон П. Общество равных. М., 2014.
- Россию нужно принимать всерьез // <https://lenta.ru/articles/2016/01/15/rojansky/>
- Токвиль А. де. Демократия в Америке // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/tokv/
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек // http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt
- Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России // http://scepisis.net/library/id_421.html
- Шмитт К. Понятие политического. Вопросы социологии. 1992, № 1.
- Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. т.1 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng/10.php
- Юдин Н. Системное прочтение феномена мягкой силы // <http://www.intertrends.ru/forty-fist/Yudin.pdf>
- Vacevich A.J. Present at the Re-Creation. A Neoconservative Moves On // <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2008-06-01/present-re-creation>
- Baker J.A. Expanding to the East: A New NATO // http://articles.latimes.com/1993-12-05/opinion/op-64339_1_nato-expansion/2
- Booker Ch., North R. The Great Deception: Can the European Union Survive?. New York, 2006.
- Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. London, 2011.
- Garamone J. Obama Points to U.S. Strength in State of the Union Address // <http://www.defense.gov/News-Article-View/Article/642812/obama-points-to-us-strength-in-state-of-the-union-address>
- Kagan R. Inside the Limo // The New Republic, 10 April 2000.
- Kissinger H. A. The Future of U.S.-Chinese Relations. Conflict Is a Choice, Not a Necessity // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2012-03-01/future-us-chinese-relations>
- Krastev I., Leonard M. Europe's Shattered Dream of Order // Foreign Affairs, 2015. V. 94. № 3.
- Link P. What It Means to Be Chinese. Nationalism and Identity in Xi's China // Foreign Affairs, 2015. V. 94. №3.
- Mathews J. T. Power Shift. The Rise of Global Civil Society // <https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-01-01/power-shift>
- Mattern J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies, 2005. № 3.
- Mullerson R. Regime Change: From Democratic Peace Theories to Forcible Regime Change. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2013.
- Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Cambridge, 2004
- President Bush's Second Inaugural Address // <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=4460172>
- Radkau J. Max Weber. Cambridge, 2011.
- Strauss L. German Nihilism // Interpretation. V. 26. № 3 Spring 1999.
- Wang Yizhou. Opportunities and Challenges for China's New Leaders in Building Mutual Trust with the World // <https://www.globalasia.org/wp-content/uploads/2013/09/457.pdf>
- Wars steadily increase for over a century, fed by more borders and cheaper conflict // http://www2.warwick.ac.uk/newsandevents/pressreleases/wars_steadily_increase/

Alexander A. VERSHININ,
*PhD in History, Scientific Researcher at
 Center for Crisis Society Studies*
E-mail: vershinin@centero.ru

Alexander V. KOROLKOV,
PhD in History,
E-mail: sahsasa@list.ru

Power Fields of the modern world Politics

ABSTRACT. *The spate of violence all over the world including the West makes us to pay attention to the factor of force in world politics. During the past decades Western countries tried to reduce the problem of force to the discussion about so-termed soft power. As a result they were not politically and morally ready to the outbreaks of the use of force in its traditional meaning. This fact to large extent explains their pained reaction to the foreign policy of the Russian Federation and the ups and downs of their politics in regard to China.*

KEYWORDS: international relations, soft power, Russia, European Union, USA, China.

References

- Aleksander Dzh. Smysly social'noj zhizni: kul'tursociologija. M., 2013.
- Basevich Je.Dzh. Sovershenstvujaja umopomeshatel'stvo. Intellektual, kak sluga gosudarstva // <http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/1076-sovershenstvujaja-umopomeshatelstvo.html>.
- Bol'c N. Razmyshlenie o neravenstve. Anti-Russo. M.: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2014.
- Grej Dzh. Pominki po Prosveshheniju. M., 2003.
- Dlja ES rossijskaja politika — bol'shaja problema, chem terakty // <https://lenta.ru/articles/2016/04/05/europeintrouble/>
- Ivanov A., Molodyko K. Sankcii i miroustrojstvo // <http://www.globalaffairs.ru/number/Sankcii-i-miroustrojstvo-17742>

Luk'janov F. Evropa na vojne // <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/8139857.shtml>

Luk'janov F. Pro družeskuju otkrovennost' // <https://rg.ru/2016/03/29/lukianov-primenitelno-k-evrazii-rossiane-kuda-ambicioznej-kitajcev.html>

Portjakov V.Ja. Kontury vneshnej politiki liderov Kitajskoj Narodnoj Respubliki pjatogo pokolenija // Problemy Dal'nego Vostoka. 2014. № 1.

Primakov E.M. Mir bez Rossii? K chemu vedet političeskaja blizorukost'. M.: Rossijskaja gazeta, 2009.

Rozanvallon P. Obshhestvo ravnyh. M., 2014.

Rossiju nuzhno primimat' vs'er'ez // <https://lenta.ru/articles/2016/01/15/rojansky/>

Tokvil' A. de. Demokratija v Amerike // [Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek // \[http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt\]\(http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt\)](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/tokv/Fukujama F. Konec istorii? // Voprosy filosofii. 1990. № 3.</p>
</div>
<div data-bbox=)

Hobsbaum Je. Masshtab postkommunističeskoj katastrofy ne ponjat za predelami Rossii // http://sceptis.net/library/id_421.html

Shmitt K. Ponjatje političeskogo. Voprosy sociologii. 1992, № 1.

Shpengler O. Zakat Evropy. Obraz i dejstvitel'nost'. t.1 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng/10.php

Yudin N. Sistemnoe prochtenie fenomena mjagkoj sily // <http://www.intertrends.ru/foty-fist/Yudin.pdf>

Basevich A.J. Present at the Re-Creation. A Neoconservative Moves On // <https://www.for->

eignaffairs.com/ reviews/review-essay /2008-06-01/present-re-creation

Baker J.A. Expanding to the East: A New NATO // http://articles.latimes.com/1995-12-05/opinion/op-64339_1_nato-expansion/2

Booker Ch., North R. The Great Deception: Can the European Union Survive?. New York, 2006.

Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. London, 2011.

Garamone J. Obama Points to U.S. Strength in State of the Union Address // <http://www.defense.gov/News-Article-View/Article/642812/obama-points-to-us-strength-in-state-of-the-union-address>

Kagan R. Inside the Limo // The New Republic, 10 April 2000.

Kissinger H. A. The Future of U.S.-Chinese Relations. Conflict Is a Choice, Not a Necessity // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2012-03-01/future-us-chinese-relations>

Krastev I., Leonard M. Europe's Shattered Dream of Order // Foreign Affairs, 2015. V. 94. № 3.

Link P. What It Means to Be Chinese. Nationalism and Identity in Xi's China // Foreign Affairs, 2015. V. 94. №3.

Mathews J. T. Power Shift. The Rise of Global Civil Society // <https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-01-01/power-shift>

Mattern J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies, 2005. № 3.

Mullerson R. Regime Change: From Democratic Peace Theories to Forcible Regime Change. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2013.

Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Cambridge, 2004

President Bush's Second Inaugural Address // <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=4460172>

Radkau J. Max Weber. Cambridge, 2011.

Strauss L. German Nihilism // Interpretation. V. 26. № 3 Spring 1999.

Wang Yizhou. Opportunities and Challenges for China's New Leaders in Building Mutual Trust with the World // <https://www.globalasia.org/wp-content/uploads/2013/09/457.pdf>

Wars steadily increase for over a century, fed by more borders and cheaper conflict // http://www2.warwick.ac.uk/newsandevents/pressreleases/wars_steadily_increase/